

Моим близким.

*Взрослеть рядом с вами — это магия, которую
не запечатлеешь и в миллионе книг.*

ШАРМАН ОСТРОВ ЧУДЕС

Всего три часа на пароме!
Цена билета — **10 центов**

Покровитель — **ДЬЮИ ХРОНОС**
величайший путешественник
во времени

Дай **РЕЗЕМЯМ** самоцвет —
и ты окажешься на вершине блаженства

Коктейль от **ЭФФУМЕНОВ** унесет тебя
в НЕВЕДОМЫЕ дали

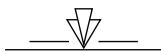
ЭДВАРДУАНСКИЕ телепаты
расскажут всю правду

Загадочные целители **СТРАТТОРУИ**
снимут твою боль*

*Доброволец возьмет на себя твои страдания

Глава I

Лакс Ревелль

Близилось наше первое представление этого лета, и волею судьбы оно могло стать последним.

Атмосфера в театре искрилась от напряжения. Пока моя очаровательная бабуля Нана выстраивала бокалы для шампанского в нашу фирменную букву «Р», я поддерживала ее стул за спинку и, пряча улыбку, слушала ворчание о том, как она десятилетиями ходила по канату без всякой страховки. Мои дяди, насмешливо поглядывая на нас, выметали из щелей между половицами принесенный ветром песок. Шорох их веников тонул в хохоте, доносившемся с бельэтажа, где хозяйничали самые маленькие Ревелли — они выковыривали тараканов из потертой бархатной обивки. Несколько лет... да что там, целую жизнь назад эта обязанность лежала на мне.

Нана поставила последний бокал, выпрямилась, стоя на стуле, и гордым взглядом топазовых глаз окинула партер. Немного выпивки, побольше магии — и туристы охотно сочтут Большой шатер заведением высшего класса.

С громким хлопком я открыла шампанское и протянула бутылку Нане, но вместо мерцающего золота из горлышка потекла унылая прозрачная жижа.

Разбавленное. Опять.

Нана отпила глоток и скривилась:

— На вкус как моча.

— А откуда ты знаешь, какая на вкус моча?

Она прищурилась:

— Не дерзи, детка. Это последняя?

— Где-то, наверное, есть еще, — соврала я. Как будто не знала, что дядюшка Вольф всю зиму пытался наскрести выпивки хотя бы на первое представление.

В кои-то веки смилостивившись, Нана позволила помочь ей спуститься со стула. С возрастом ее плечи ссутулились, однако в движениях сохранилась привычная грация, выработанная за долгие годы в лучах прожекторов. Эту грацию я, к сожалению, не унаследовала. Как и роскошную грудь, которую бабуля подчеркивала глубоким декольте облегающего пурпурного платья с блестками.

— Давай сделаем фонтан из сидра, — предложила я, отводя ее в сторону. — Посетители напьются и не заметят разницы.

— В нашем фонтане вместо шампанского будет сидр? Мы же Ревелли! Мы не можем быть сухими, как монашкина...

— Тише, Нана, тише. — Нацепив улыбку на лицо, я обвела взглядом остальных. — У нас с дядей Вольфом есть план.

Точнее, последняя отчаянная попытка.

Я было отвернулась, но Нана схватила меня за руку, обдав холодом объемных браслетов.

— Вольф рассказывал мне об этом вашем плане. Твоя магия, Лакс, возможно, и сильна, но даже с ее помощью не выйдет зачаровать этих мерзавцев Хроносов. Ни под каким предлогом он не даст тебе камень.

И верно. В семействе Хроносов дети воспитываются на легендах о могущественной магии моей семьи. Дай Ревеллям самоцвет — и тебя зачаруют так, что ты сам пойдешь и уто-

пишья в Атлантическом океане. Дай Ревеллям самоцвет — и они разорвут в клочья твой разум и будут помыкать твоим телом, как своим собственным. Дьюи Хронос не такой дурак, чтобы своими руками вручать мне средство для управления его эмоциями.

К счастью, у меня есть и другой источник магии. И Нана о нем не знает.

Я стиснула ее руку, а потом взглянула в зеркало за барной стойкой, проверяя помаду. Кроваво-красная. То, что надо.

Высоко подняв голову, я прошла через весь театр и еле увернулась от языка пламени. Мои кузены, жонглеры факелами, захихикали, и я смерила их притворно-свирепым взглядом.

За кулисами меня встретил привычный запах масляного попкорна. Пробираясь сквозь шумную компанию детей, играющих в салочки, я отвела глаза от опустевших тигриных клеток. Зимой, когда закончились запасы в кладовках, встал вопрос — тигров нужно либо съесть, либо продать, и Нана наотрез отказалась варить жаркое из своих любимцев.

Перешагивая через костюмы, раскиданные на потертом дощатом полу, я чуть не врезалась в тетушек, силящихся втиснуться в платья для канкана. Возле их ног растекались лужицами пышные складки разноцветного тюля.

— Ну что, наконец пойдешь с нами в Дом веселья? — поддразнила тетя Кэролин, на миг прервав свое занятие.

Опять эта извечная шутка о Доме веселья, отдельных комнатах позади Большого шатра, куда посетители направляются после представления. В ответ я просияла надменной улыбкой:

— Негоже звездам пачкать руки.

— Глупышка, там надо работать магией, а не руками. — Тетушка склонилась ко мне, дыхнув шампанским, наверняка

стибренным из нашего последнего ящика. — Или тебя это пугает?

Как и вся моя семья, я обладала магическим талантом: как только я получала драгоценный камень, я могла внушить дарителю, что все его мечты исполнились. В Доме веселья можно было загадать любое желание: кровавая месть сопернику, ужин наедине с горячо любимой знаменитостью или — любимое развлечение туристов — бурные постельные утехы. Получив плату драгоценными камнями, мы могли управлять эмоциями посетителя, даже не прикасаясь к нему. Правды в этих фантазиях было не больше, чем в фальшивых бриллиантах Наны, но клиенты не возражали. Главное, что они оставались довольны.

— Не боюсь я Дома веселья, — заверила я тетюшку. — Но после представления мне надо вздремнуть. Чтобы красота не увяла.

Я потрепала тетю Кэролин по щеке и зашагала дальше.

— Приходи, пока еще не слишком поздно! — крикнула она мне вслед, ухмыляясь еще шире. — Клиенты не любят морщинистых!

— Но вы же неплохо справляетесь!

Я вошла в кабинет к дяде Вольфу и закрыла дверь, оставив тетюшкин смех снаружи. Дядя поднял глаза от бумаг. В его гладко зачесанных темных волосах появились серебряные нити, и я невольно подумала о своей матери, его сестре, навсегда застывшей во времени. Навеки темноволосая, навеки двадцатидевятилетняя.

— Что случилось?

Наверное, моя маска напускного спокойствия слегка сползла с лица. Мы с ним — дядя и племянница, продюсер и прима —

работали вместе, но не полагались друг на друга. Дядя Вольф, насколько я знаю, вообще ни на кого не полагался.

Я плюхнулась в кресло.

— Шампанское кончилось. И виски тоже на исходе.

— Уже? — Он схватил потертую тетрадь и пролистал. — Мне казалось, мы кое-что припрятали за кулисами.

— Его отыскивали твои томимые жаждой братья и сестры.

Шампанское на первом представлении было давней традицией, и у дяди Вольфа не хватало духу от нее отказаться. Он не хотел, чтобы его семья о чем-то тревожилась.

— Ты позвал бутлегера*?

Его нелепая клоунская улыбка сжалась в жутковатую красную линию. Я не раз замечала, как взрослые мужчины вздрагивали при виде дяди Вольфа в полном гриме.

— Не нравится мне этот твой план.

— Есть идеи получше?

— Нет, — признал он. — Если сегодня не заключим контракт на спиртное, то завтра или откроемся всухую, или не откроемся совсем.

Потеряв дар речи, я откинулась на спинку шаткого кресла. Когда наш замечательный остров захлестнули ураганы, дядя Вольф держал двери открытыми. Когда из Нью-Йорка прибыл целый паром недовольных пуритан, перекрывших нам все дороги, он держал двери открытыми. Когда погибли в волнах лучшие из нас, когда Большой шатер был окутан черным саваном горя и даже моя щеголеватая бабушка месяцами не снимала ночной рубашки... Даже тогда дядя Вольф держал двери открытыми.

* Подпольный торговец спиртным во время сухого закона в США в 1910–1930-е годы.

Но сейчас моему неугомонному дяде стало страшно. Он испугался сухого закона.

Поначалу мне представлялось, что новый закон затронет разве что далеких от нас жителей материка, а нашему чудесному острову Шарман ничто не грозит. Но беда пришла и к нашему порогу.

— Значит, сегодня, — выдавила я и гордо вскинула подбородок, чтобы он не подумал, будто я нервничаю.

Дядя Вольф покачал головой:

— Не могу просить тебя об этом. Ты еще совсем дитя...

— Мне восемнадцать. У моих ровесниц на материке уже по двое детей.

— Твоя мама не хотела бы, чтобы ты вступала в отношения с кем-то из треклятого семейства Хроносов.

Его темные глаза устремились к фотографии, стоявшей в рамке на столе. Все восемь детей Наны в полной сценической экипировке. Все привычно смеются. Раскатистый смех, звон бокалов, рокот барабанов — эти звуки сопровождали меня все детство.

Потом нагрянула беда. Нана плакала навзрыд. Брешь, пробитая в нашей семье, была так широка, что мы не понимали, как быть дальше. Но шоу Ревеллей продолжалось. Как обычно.

Я встала с кресла:

— Но еще мама точно не хотела бы, чтобы мы пошли по миру. Не надо придавать этому такого большого значения, дядя Вольф. Мы оба знаем, что мой план хорош. Так придет этот тип или нет?

Нана говорила, что в нас, Ревеллях, течет кровь великанов, которая дает о себе знать каждые несколько поколений. В это

легко верилось, когда дядя Вольф вставал в полный рост — он возвышался надо мной на добрых полметра.

— Малыш бутлегер уже идет сюда. Я усажу его в представительскую ложу и угощу остатками нашего лучшего бренди, а не разбавленной дрянью для партера.

— Пусть не думает, что наши дела плохи, — сухо добавила я. Жаль, что мы не могли получить спиртное ни у кого больше. Кровавая битва за алкогольную отрасль Шармана была окончена, и наш самый молодой бутлегер оказался последним на острове. Если верить слухам, он единственный остался в живых. — Нана говорит, он купил старый склад в порту.

Дядя коротко кивнул:

— По моим сведениям, он хочет превратить его в театр. Огромный.

И где он найдет труппу, способную соперничать с нами?

— Как мне его узнать?

Когда мы все были детьми, Дьюи Хронос, старший сын мэра, постоянно был на виду, но в последние годы редко покидал свой особняк у гавани. Я запомнила его невзрачным мальчишкой, цеплявшимся за мамину юбку; возможно, повзрослев, он стал еще противнее. А может быть, у него тоже есть секреты, которые он хотел бы скрыть от телепатов.

— Лицо бледное, — буркнул дядя Вольф. — Волосы темные, глаза карие.

Я вопросительно взглянула на него. Под это описание подходила добрая половина наших зрителей.

— На лацкане пиджака он носит эмблему своей компании. Это...

— Часы в виде ограненного бриллианта, — закончила я за него. Этот символ захочешь — не забудешь, он бросается

в глаза всем на Ночной стороне, издевательски напоминая о фамильной магической силе Хроносов — способности путешествовать во времени.

И пусть наша семья считалась сердцем и душой шарманского туризма, зато Хроносы были землевладельцами и политиками. Они правили нашим маленьким островом и ради сохранения своей власти то и дело поворачивали время вспять, проникали в прошлое и исподтишка вредили другим магическим семьям, особенно моей. Нам, Ревеллям, было позволено существовать, чтобы завлекать туристов на эти гостеприимные берега, однако Хроносы прекрасно знали о нашей способности влиять на разум и опасались, что мы собьем с истинного пути их избирателей. Если у нас получалось хоть чуть-чуть вырваться из нищеты, на наши головы тотчас же сыпались трагедии. Например, мой прадедушка попытался организовать представление для детей и их родителей, горячо ожидаемое всеми жителями острова, но накануне премьеры пал жертвой вооруженных налетчиков. А три года назад Хроносы не предупредили нас о надвигавшемся урагане, хотя сами успели тайно эвакуироваться. В той буре наша семья потеряла четверых.

И вот теперь мне предстояло искать подход к одному из этих негодяев. При мысли об этом внутри все переворачивалось. Но я должна уговорить его вести дела только с нами. Задешево.

Дядя Вольф кивком указал на дверь:

— Ступай, скажи остальным, что пойдешь в Дом веселья. Колетт и Милли наверняка обрадуются.

Сомневаюсь. Несколько лет назад они пришли бы в восторг, но в последнее время мы почти не разговариваем, разве что на репетициях.

— Что, передумала? — Его рокочущий голос звучал беззвучно, но в темных глазах мелькнула тревога.

Я ответила ему с самой уверенной сценической улыбкой:

— К завтрашнему дню мы будем купаться в лучшем на свете спиртном.

— И, надеюсь, по сильно сниженным ценам, — пробормотал он. — Если учесть, сколько он берет с владельцев гостиниц, скоро весь остров будет у него в долгу. Или разорится.

— Только не мы.

— Ни в коем случае. — Дядя снова склонился над бумагами. Значит, разговор окончен. Стараясь держать голову высоко и улыбаться уверенно, я вернулась за кулисы.

— Сестренка ищешь? — Нана, пытаясь прийти в себя после неравной схватки с шампанским, стояла перед ржавым зеркалом и расправляла на шее нити фальшивых драгоценностей. — Я их видела. Полезли куда-то под купол вместе с ребятами из команды осветителей.

Моя двоюродная сестренка Милли обожала кокетничать со всеми парнями не из нашего семейства, какие только появлялись в Большом шатре. Колетт же, наоборот, скорее вызвала бы любого из них на борцовский поединок, а чтобы гарантировать себе победу, заехала бы ему коленом в самое чувствительное место.

— Вот-вот начнем. — Я окинула взглядом бардак за кулисами. — Все готово?

— Поднялась бы ты тоже под купол, помиловалась там! У такой красотишки, как ты, должно быть много поклонников.

Я тяжело вздохнула:

— Ты же была примой. Ведущей актрисой. Сама знаешь, что парни только и норовят залезть тебе под трико. Чтобы было чем потом похвастать перед приятелями.

Она подмигнула:

— Так это и есть самое приятное. Ну, иди. Ищи своих сестренек.

Нет уж, сейчас им лучше не мешать. Вместо этого я еще раз быстро осмотрела театр. Кто-то уже зажег свечи, и длинные тени скрыли паутину по углам. В мягком свете пламени широкие черные и фиолетовые полосы на брезенте нашего шатра окрашивали партер в таинственные лиловые оттенки. Мама говорила, что Большой шатер напоминает ей внутренние камеры бьющегося сердца. Огромное, несокрушимое сердце Ревеллей, способное укрыть и защитить всех, кто нам дорог. Но ее саму оно не уберегло. Пока у власти Хроносы, все мы ходим по лезвию ножа.

А сегодня я намеревалась воплотить в жизнь одну из фантазий этого семейства.

По лестнице катился мельтешащий клубок из тощих рук и ног в линялых одежках, доставшихся от старших братьев и сестер. Это спускалось с бельэтажа младшее поколение Ревеллей. Возглавляла шествие малышка Клара, остальные наступали ей на пятки. Притормозив, она остановилась прямо передо мной.

— Победила!

Я присела около них.

— Ничего не пропустили?

— Вот еще! — Она сдвинула на затылок великоватую кепку. — Каждое сиденье по три раза проверила. Ни одного таракана не осталось!

— Молодчина.

Тараканы, ползающие по коленям бутлегера, — такое себе соблазнение.

— Один знаешь какой был? С мой кулак! — Клара протянула ладошку. Боевая девочка, прямо как Колетт, даже круче.

Широко распахнув круглые, под стать раздутым животикам, глаза, ребяшня смотрела, как я достаю из кармана платья обещанный победителю приз. Отозвавшись на магическую кровь Ревеллей, камень, горячий и напористый, покалывал мне пальцы. До чего же я скучала по невесомой магии драгоценных камней, хорошо знакомой моему семейству! Я мечтала снова ощутить, как волшебное дыхание самоцветов щекочет затылок. В другом магическом таланте, свойственном только мне, ничего приятного не было.

От изумруда осталась лишь малюсенькая крупинка, которой едва хватит на стакан газировки, но Клара зажала ее в кулачке, словно величайшую драгоценность.

Я поправила на ней кепку и погладила ее брата по голове.

— А теперь вам всем пора спать. Вы отлично потрудились.

Клара заморгала большими шоколадными глазами:

— Покажи, как он работает!

Истинная Ревелль до мозга костей.

— Только быстро, договорились?

Ребятня радостно запищала, и на миг мне вспомнилось, как мы с Колетт и Милли умоляли наших старших родственников устроить нам урок магии. С каким нетерпением я ждала этих мгновений!

Клара протянула мне свой крошечный изумрудик, но я достала из кармана еще горстку мелких осколков и положила на ладонь. На ровных гранях заиграли блики свечей.

— Возьмите по одному. Клара, осторожнее.

Давать Ревеллям самоцветы — большой риск. Теперь, если им захочется, они смогут зачаровать и подчинить меня.

— А теперь дайте мне их обратно. Запомните, магия работает только в том случае, если человек дал вам камень по доброй воле.

Дети положили изумруды в мою протянутую руку и, светясь улыбками, подались вперед в предвкушении чуда.

— Ну, на чем я должна сосредоточиться?

Клара нетерпеливо заерзала. В семье Ревелль основы магии знал каждый.

— На изумруде. Надо постараться, чтобы он прослужил подольше.

— А если я его использую весь до конца, что произойдет?

— Он рассыплется в пыль и больше ни на что не сгодится.

— Вот именно. — Мама много раз повторяла мне этот урок. — За магию всегда надо расплачиваться. Цена нашей магии — вот эти драгоценные камни. Под действием наших сил они тают, и если мы не будем осторожными, то у нас не останется ничего. Нечем будет заплатить за еду, костюмы и другие нужные вещи.

— Да ладно, Лакс, давай! Покажи уже!

Я сомкнула пальцы на изумрудах. Магия звала меня, как море зовет моряка, и я радостно окунулась в нее. Ощущение было непередаваемое. Эта магия — самая верная.

«Вы счастливы, — мысленно произнесла я. — Совершенно счастливы. Вам весело, как будто вас щекочит».

Ребята покатались со смеху, повалились наземь, болтая в воздухе тощими загорелыми ногами. Изумруды съежились, оставив на моей ладони лишь сверкающую зеленую пыль.

«Все кругом такое смешное. И воздух, и земля, и ваша одежда».

Пока ребятня заливалась хохотом, по лестнице плавно спустилась Колетт и остановилась понаблюдать за происходящим. Ее губ коснулась еле заметная улыбка. Должно быть, и она вспо-

мнила, как под действием семейной магии мы точно так же хохотали до колик в боках.

Наши глаза встретились, и она отвела взгляд.

«Вас согревает любовь всех девяноста шести Ревеллей. Вы самые главные на острове Шарман, самые лучшие в мире, и вы никогда не узнаете одиночества».

Уголки их губ растянулись в мечтательной улыбке, лица смягчились. И хотя в их возрасте я бы отдала все на свете, чтобы только скорее повзрослеть и выйти на сцену, в глубине души мне хотелось снова вернуться в те времена, когда мне было семь. Когда летние спектакли дышали магией, мы ели конфеты и засыпали за кулисами вместе с Колетт и Милли, переплетая руки, ноги и нечесанные шевелюры. Когда не было сухого закона. Когда не надо было очаровывать Хроносов. Когда на свете были только мы троим, играли до изнеможения и просыпались от легкого покачивания на маминых руках, несущих нас в кроватку.

Я поцеловала сестер и братьев в лобики, и магическая аура рассеялась.

Они протестующе захныкали.

— Еще разок! Ну пожалуйста! — взмолилась Клара.

— Всегда надо оставлять хоть немножко на будущее. Видите?

Даже дети постарше потянулись взглянуть на остатки камней у меня на ладони. В семье меня считали самой могущественной, потому что мне камни служили дольше, чем другим. Они полагали, что только по этой причине дядя Вольф назначил меня прямой вместо Колетт, которая была вдвое талантливее и трудилась гораздо усерднее. Мы не могли рассказать им правду, особенно когда остров так и кишел любителями читать чужие мысли.

На сцену вышел дядя Вольф. На его лице не осталось ни следа тревожных раздумий, их сменила привычная невозмутимая сосредоточенность. Он хлопнул в ладоши:

— Все по местам! Пора открывать двери.

Ревелли вскочили и забегали. Дети метнулись к вешалкам с костюмами, надеясь посмотреть хотя бы первый акт, пока их не отправили спать. Родители ловили малышей за руку и целовали в лобики, и при виде этого меня кольнула тоска.

Медленно погас свет. Мои дяди опустили перед сценой огромный бархатный занавес, и театр окутался знакомой лиловой дымкой, озаренной мерцанием свечей.

Воздух словно сгустился. Я выступала уже много раз, но впервые сердце колотилось так, словно вот-вот выскочит из груди.

А что, если Дьюи Хронос не поддастся на мои чары? Что с нами станет?

Мы потеряем все — и театр, и Дом веселья, и ветхие спаленки на берегу моря, куда вся моя семья набивается как сельди в бочку.

Нет, надо гнать от себя такие мысли. Для успешного соблазнения нужна уверенность в себе. Кроме того, я должна играть привычную роль безукоризненной ледяной принцессы: если на моем лице появится хоть тень тревоги, это вызовет массу вопросов, и дядя Вольф не сможет на них ответить. По крайней мере, пока мы не обеспечим себя выпивкой.

Высоко подняв голову и выставив вперед провисающее декольте, к дверям фойе прошествовала Нана, пестрая, как сверкающий фазан. Она будет встречать зрителей, принимать драгоценные камни в качестве платы за вход и тихонько даст нам знать, чьи карманы набиты ту же.

— Ты уже виделась с Милли и Колетт? — спросила она. — Вам нужно отпраздновать твою первую ночь в Доме веселья!

Матери растили нас вместе, надеясь, что мы станем такими же неразлучными, как они.

И умерли они тоже вместе.

— Обязательно, — сказала я.

Танцовщицы канкана заняли свои места за занавесом и приготавливались к первому номеру.

А я стояла в одиночестве и ждала.

Нана открыла двери, и в зал ворвалась галдящая толпа. Зрители, розоволицые и потные, как поросята, в разноцветных высоких шляпах, торопились занять вожащенные места поближе к сцене. Где-то среди них затерялся и Дьюи Хронос со своими броскими часами-бриллиантом на лацкане. Для него приготовлена представительская ложа. В самой середине бельэтажа, тщательно очищенная от тараканов.

Оркестр заиграл бодрую мелодию. Нана у входа покачивала бедрами в такт и издалека, сквозь пелену сигарного дыма, казалась молодой и красивой, такой похожей на мою маму, что я не выдержала и отвернулась.

Трам-па-ра-пам — загремели барабаны. В предвкушении волшебства зал вибрировал, словно натянутая струна.

У меня в кармане запели драгоценные камни.

Трам-па-ра-пам. Трам-па-ра-пам.

Представление начинается.

Глава 2

Джеймисон Порт

— Ну как? — Роджер вложил мне в руку свою фляжку. — Что скажешь?

Я перегнулся через поручень. Над горизонтом медленно вставал остров Шарман. Парень, продававший билеты на паром, говорил: «Кони-Айленд, только магический. Тамошняя выпивка вышибет тебе мозги, а девочки сведут с ума». Святые отцы в сиротском приюте, где я вырос, называли его «клозетом дьявола». А для Роджера это был просто «дом».

— Невероятно, — только и смог прошептать я.

Туманная пелена раздвинулась, как занавес, и перед моими глазами впервые предстали золотистые пляжи, сверкающие, будто самоцветы, в последних отблесках зари. К темнеющему небу тянулись остроконечные скалы, увитые пышной изумрудной зеленью. А посередине на фоне заходящего солнца высился, словно гора, огромный треугольный силуэт. Большой шатер.

Меня вдруг пронзило острое чувство дежавю. Как будто бы я это уже видел. Глупо, конечно. Если сказать Роджеру, он будет надо мной посмеиваться до скончания веков.

— Держи ухо востро. — Роджер уселся на скользкие поручни. — Если ослабим бдительность, застрянем тут на много лет с пустыми кошельками. И грехов наберем столько, что ни один священник не отпустит.

— К счастью для меня, мой кошелек всегда пуст, — парировал я. — А монашеские розги научили меня покаянию.

Улыбка друга помрачнела.

— Рано или поздно мы сожжем дотла твой чертов приют. — И вдруг он присвистнул: — Ух ты! А это что у нас за красотка?

Чудом удерживая в одной руке сразу три бокала, к нам плыла Триста. Сломанная в детстве нога неправильно срослась, и наша подруга сильно прихрамывала, однако трость лишь помогала ей прокладывать путь сквозь толпу подвыпивших пассажиров. Она вручила нам по стопке виски и расправила черное с бисером платье, болтавшееся на худых бледных плечах.

— Молодцы, сумели-таки раздобыть костюмы. А галстуков не надо?

Я пожал плечами:

— Галстуки? Они... гм... сковывают движения.

— Ага, как собачьи ошейники, — подтвердил Роджер. — Триста, ты же не хочешь надеть на нас ошейники?

— И выгуливать на поводке? Нет уж, увольте.

Мы с Роджером насмешливо переглянулись поверх ее головы. Мы путешествовали вместе уже три года, и Триста до сих пор не решалась признаться, как мы ей дороги.

Я с любопытством принял к напитку.

— Ты раздобыла скотч? Может, припрятать его?

— Видишь вон того мужика с бакенбардами? — она кивком указала на плотного джентльмена в дорогой фетровой шляпе. — Арти Вудс, бывший комиссар нью-йоркской полиции. А вон тот, с усами, это сенатор Колдер. Голосовал за сухой закон.

— И оба уже изрядно накачались. Лицемеры чертовы. Привет! — Они взглянули в нашу сторону, и Роджер помахал им, ослепительно улыбаясь. — Пусть сколько угодно притворяются,

будто власть на Шармане регулируется законами Нью-Йорка, но, если бы и вправду было так, эти жирные коты потеряли бы миллионы долларов.

— Восемнадцатая поправка к Конституции на Шармане не действует, — твердо заявила Триста. — Уж моя-то семья приложила к этому руку.

Триста тоже родилась и выросла на Шармане и приходилась дочерью самому мэру Хроносу, но была изгнана из семьи. На мой вопрос, разрешили ли ей вернуться, она ответила своей убийственной улыбкой и промурлыкала: «Пусть попробуют меня не пустить».

— Предлагаю тост!

Роджер вскочил на самый верхний поручень, опасно пошатнулся под испуганные вскрики наших спутников по парому, но сумел вернуть равновесие.

Триста горько вздохнула:

— Ну вот, опять.

— За первое путешествие Джеймисона на Шарман! — Глубокий голос Роджера привлек всеобщее внимание. Я всегда считал, что он притягивает взгляды из-за длинных шрамов, тянувшихся через всю золотисто-коричневую левую щеку до самого подбородка. Все встречные действительно глазели на его шрамы, но притягательность Роджера крылась не в этом. Он говорил мне, что дело в его магии. Людей тянет к Ревеллям, как мотыльков к пламени. — Мой священный долг как уроженца Ночной стороны — стать святым покровителем твоих разнузданных походов. Ну как, Джеймо, похож я на настоящего проповедника?

Я почтительно склонил голову:

— Я словно опять очутился в приюте Сент-Дуглас.

— Великолепно. Моя первая заповедь: не пей ничего, что приготовили люди с рогами.

Можно подумать, они с Тристой до сих пор не предупреждали меня об Эффиженовых коктейлях. Семейство Эффижен обладало даром усиливать любые качества. Они могли создать самую вкусную на свете голубику, сосредоточив вкус дюжины ягод в одной-единственной. Или состряпать рюмочку джина крепостью в шесть рюмок. Однако у любой магии есть своя цена, и остальные пять порций джина обращались в прах. Во времена сухого закона такие рецепты кажутся немного расточительными, но на Шармане удовольствие всегда ценилось выше практичности.

— Вас понял, — отозвался я. — Держаться подальше от рогатых барменов.

— Правило номер два, — продолжал Роджер. — Никому не давать драгоценных камней.

— Запросто. У меня нет ни одного.

— Вот видишь? — Триста похлопала меня по спине. — Бедность снова играет нам на руку.

Роджер кивком указал на мой пиджак:

— Моя семейка за версту учует брошку твоей матери.

Я прикрыл карман ладонью. Родители оставили мне в наследство всего лишь два предмета: усыпанную драгоценными камнями булавку в виде полумесяца да фотографию, на которой мы все трое стоим на берегу моря возле старой дощатой пристани, украшенной причудливым узором из прямоугольников. Мама заворачивала брошку в фотографию и носила у сердца.

— Сам знаешь, я с ней ни за что не расстанусь.

— Правильно. Наша семейная магия не работает на краденых камнях, но все же будь начеку. На острове Шарман магия

набирает силу. До чего же мне хочется снова предстать во всей своей мощи! — Он похлопал себя по карману, и там зазвенели мелкие драгоценные камушки — официальная валюта Шармана.

Триста облокотилась на поручни:

— Самый длинный тост на свете. Давайте уже выпьем.

— Хорошо, — сверкнул глазами Роджер. — За то, чтобы мы не тратили впустую ни секунды этой прекрасной жизни.

— Аминь, — заключила Триста и залпом опрокинула бокал. Мы с Роджером тоже.

Паром затянуло в один из водоворотов, кружащихся возле берегов острова. Мое сердце забилося быстрее. Шарман всегда был окутан мифами и легендами, которые шепотом рассказывали старшие мальчишки в Сент-Дугласе. Святые отцы на всех картах перечеркнули толстым крестом крохотную точку в Атлантическом океане. Однако Шарман никуда не исчез.

Я обернулся к друзьям, но они не отрывали глаз от острова. Не сказать, что им очень хотелось возвращаться, однако сухой закон на материке закрыл для нас множество привычных значных мест. А ради великолепных представлений, какими на Шармане знаменуют открытие сезона, Роджер и Триста, по их словам, готовы были пойти на все, даже стерпеть неодобрительные взгляды родителей. Но может быть, это было лишь хорошим предлогом для возвращения домой.

Домой.

В груди заныла привычная тоска. Покинув приютские стены в шестнадцать лет, я ни минуты не скучал по Сент-Дугласу, особенно после знакомства с друзьями, которые помогли мне понять, что жизнь — штука безграничная и яркая. И вот уже три года мы путешествуем, окунувшись в приключения с головой. Неужели с их возвращением домой это закончится?

И если все-таки закончится, то что делать мне?

Роджер смотрел на Шарман, как голодающий на отравленный плод.

— Перед высадкой надо как следует поднакачаться.

Триста длинным выдохом сдула челку:

— Мне тоже.

Когда мы наконец ступили на сходни, у меня перед глазами все кружилось.

— Добро пожаловать на Остров Греха! — прогудел встречавший нас человек могучего роста и телосложения. Публика радостно загалдела и потащила нас вперед, навстречу запаху свежих пончиков, пробивавшемуся сквозь соленый океанский бриз.

На краю порта, оглушительно лязгая цимбалами, громыхал оркестр. Я закинул одну руку на плечи Роджеру, другой обнял Тристу, и мы побрели по причалу.

— Ну, что скажешь? — крикнула мне в ухо Триста, ловко увернувшись от акробата на ходулях.

— Потрясающе! — выдохнул я. — Никогда не видел так много народу.

— Все они прибыли на открытие сезона. — Роджер указал на развешенные повсюду афиши, на которых была изображена девушка невероятной красоты: утонченное лицо, молочно-белая кожа и темные кудри, ниспадавшие на туго обтягивающее платье сливового цвета. «Сегодня вечером выступает Лакс Ревелль» — гласил текст. Взгляд красавицы следовал за нами до самого конца причала.

Я был не в силах оторвать глаз от ее вишневых губ и споткнулся о выпавшую доску.

— Мы туда пойдем?

Роджер мрачно расхохотался:

— Еще одно правило для тебя, Джеймо: не влюбляйся в Ревеллей.

— Премного благодарю, я вполне способен насладиться обществом прелестной девушки и не втюриться по уши.

Триста выгнула бровь:

— А как же Бетти?

Приятное гудение у меня в голове внезапно смолкло. После двенадцати лет, проведенных в приюте для мальчиков, Бетти стала первой, с кем я поцеловался. И, естественно, я решил, что мы должны пожениться.

— Бетти была...

— Ошибкой? — Триста оперлась на руку Роджера. — Самым большим разочарованием?

— Назидательным уроком? — подсказал Роджер. — Благодаря которому ты понял, как не надо?

И очень суровым уроком. Я, как последний дурак, таскался за ней по пятам, став предметом всеобщих насмешек.

— Ну, нынче я решительно склоняюсь к холостяцкой жизни.

— Еще бы, — хмыкнула Триста.

Опустилась ночь. Мы брели по набережной, и музыка заглушала тихий плеск волн. Долговязые ребята с лоснящимися щеками, в кепках-восьмиклинках, выгружали с причалившего парома ящики яблок, мешки с мукой и другие товары из Нью-Йорка.

Роджер остановился поторговаться с парой полураздетых женщин в разноцветных шляпах, а я принялся изучать отблески фонарей в воде. Не то чтобы я никогда не видел обнаженную грудь — видел, но не в таком изобилии.

Надев свежеприобретенные туристические шляпы, мы продолжили прогулку по набережной. Роджер указал на человека

в роскошном черном костюме, беседовавшего с двумя полицейскими.

— Это кто, один из Хроносов?

Триста замерла:

— Это мой брат.

Мы с Роджером переглянулись. Триста редко рассказывала о своих братьях, но самое основное я все же помнил: Дьюи в свои двадцать один год был старшим, а младший, Джордж, считался слегка психованным. Что, естественно, не помешало их отцу выбрать именно Джорджа кандидатом на пост мэра Шармана. В семье путешественников во времени легко основывать династии: они могут снова и снова выдвигать свою кандидатуру на выборы, пока не добьются цели.

— Джордж! — помахала она.

Услышав знакомый голос, он резко обернулся и смерил Трису холодным взглядом, словно перед ним стояла всего лишь какая-нибудь избирательница, а не выставленная из дома сестра, которую он не видел три года.

Затем Джордж снова повернулся к нам спиной, и улыбка Тристы поблекла.

Роджер стукнул по ладони кулаком:

— Затеять драку никогда не рано.

— Охотно помогу. — Я обернулся. — Триста, ты как?

— Ничего. Все нормально. И напоминаю, мы приехали сюда повеселиться, а не затевать бои с моим треклятым семейством.

Она потянула нас за руки, но Роджер не сдвинулся с места.

— Что у него за дела с этими копами?

Я вытянул шею. Перед Джорджем прямо на мостовой стоял на коленях пожилой человек. Он предпринимал слабые попытки помешать полицейским рыться в его вещах. Джордж отдал

какой-то приказ, но из-за громкой музыки я ничего не слышал.

Копы подняли дубинки и опустили их на голову старика.

Кто-то вскрикнул, толпа подалась назад, отшатнувшись от старика, повалившегося на землю. На миг у меня перед глазами вспыхнула картинка из прошлого: это я валяюсь на земле, а святые отцы перетряхивают мои вещи в поисках запрещенных книг, которые я раздобыл в церковном подвале. Их потрепанные страницы были для меня единственным окном в реальный мир. Никто из мальчишек не посмел поднять голос против наших воспитателей. И разве можно их за это упрекнуть? Они ничего не могли поделать. Все мы были бессильны.

Но я уже не тот перепуганный мальчонка.

— Эй! — Я подошел к полицейским, возившимся с фотокамерой. — Ребята, что тут происходит?

— Этот тип снимал, как наши дорогие гости пьют, — прорычал один из копов.

Старик обхватил руками кровоточащую голову.

— Да я тут ничего не снимал! Все фотографии только со свадьбы моей внучки. Это все снимки, что у нее есть, и я ей обещал...

— Заткнись, — невозмутимым тоном велел Джордж. — Или эти добрые люди тебя уговорят.

Полицейский перевернул камеру и постучал по ней.

— Нет нужды ломать хорошую вещь. — Я жестом попросил передать камеру мне. — Точно таким же аппаратом я на Пасху снимал свою семью в церкви. Дайте-ка сюда, я достану катушку с пленкой.

Полицейский заколебался, но я одарил его самой безмятежной улыбкой. Пока они не передумали, взял камеру, покрутил, постучал то тут, то там.

— Ага! Вот она! Сейчас, сейчас... Ой! Уронил!

Катушка с пленкой покатила по причалу. Старик с криком кинулся за ней, но она нырнула в Атлантический океан.

— Страшно извиняюсь. Простите, сэр. — Я с самым сокрушенным видом вернул старику камеру.

Джордж Хронос схватил меня за ворот:

— Да кто ты вообще такой?

Я улыбнулся во все тридцать два зуба:

— Друг вашей сестры. Помните ее?

Он еще крепче сжал в кулаке ткань моей единственной хорошей рубашки. Вблизи Джордж выглядел лет на десять старше Тристы, хотя родился всего на пару лет раньше нее.

Наконец он отпустил меня, толкнув в грудь:

— А ну проваливай!

— Я тоже был рад познакомиться! — крикнул я через плечо. Триста схватила меня под руку и потащила прочь.

На прощание Роджер поднял средний палец, и мы не спеша удалились.

— Ты и вправду уничтожил фотографии?

— Нет конечно. — Я похлопал друзей по спине. — Надеюсь, вам были не слишком дороги те нелепые портреты, которые мы засняли в Филадельфии.

Триста ухмыльнулась:

— Значит, ты оставил пленку старика в камере?

— Умница, Джеймо. — Роджер взъерошил мне волосы. — Пойдем.

Мы продолжили путь по набережной, петляя между компаниями пляшущих туристов.

Прелестный, прелестный остров Шарман. Я запрокинул голову к обсидиановому небу и полной грудью вдохнул воздух,

напоенный магией. Звезды словно завертелись вокруг меня, все быстрее и быстрее. Может быть, кружился весь Шарман. А может, у меня голова шла кругом.

Я сделал еще шаг и...

На меня с разбегу налетела Триста, и мы оба кубарем покатились по земле.

Где-то совсем рядом раздался оглушительный треск. Я обернулся — в лужах янтарной жидкости плавали щепки и осколки расписного фарфора. С корабля сорвался и упал тяжеленный ящик. Туда, где я только что стоял. На то самое место.

Меня бы раздавило в лепешку.

Люди кричали, заслоняясь от летящих обломков. Сквозь толпу, самодовольно ухмыляясь, не спеша удалялся Джордж Хронос.

— Ты цел?

Щепки и осколки покачивались на волнах. Крылья фарфоровых ангелочков. Разбитые. Святые отцы в приюте охотно поведали бы другим мальчишкам, как Бог наказал меня за мои грехи. Смертью от херувимов. И где — на Шармане.

Надо мной склонился Роджер. Я оцепенело кивнул.

— Он жив! — Роджер, артист до мозга костей, воздел руки к небу, и публика заплодировала.

А Триста побелела как полотно.

— Этот ящик... Он тебя раздавил. Ты погиб.

Погиб?

Она склонилась над водой, и ее стошнило. Мы с Роджером держали ее за плечи. На Шармане даже рвота была красочной.

Роджер уставился на Трису разинув рот.

— Ты путешествовала?

Еле заметный кивок.

— Это гораздо труднее, когда ты пьяна в стельку. — Она отстранилась от нас, тяжело дыша, привалилась к причальной тумбе.

«Ты погиб».

Я всегда знал, что Триста умеет путешествовать во времени, но ни разу не видел, как она это делает. Она это терпеть не могла. Не любила ощущение головокружения, которое накапывало в момент высадки в прошлом. Злилась, что не может вернуться в настоящее. А больше всего ненавидела цену своей магии: при каждом перемещении в прошлое на любой отрезок времени Хронос сокращал свою жизнь на стократную длину этого отрезка. Старел, покрывался ранними морщинами. Хочешь заново прожить один день — состаришься на сто дней. Вернешься на один год — станешь старше на сто лет, а это мгновенная смерть.

Триста взгляделась в свои дрожащие руки.

— Я выгляжу постаревшей?

— Нет, скорее так, словно всю ночь не спала. — Роджер помог ей подняться. — Насколько далеко ты вернулась?

— Кажется, всего на минуту назад. — Она судорожно вздохнула, лицо все еще было бледным. — Боже мой. Одно неверное движение — и я бы сократила свою жизнь на несколько лет.

Если Триста ради моего спасения заново прожила всего одну минуту, значит, она будет дышать, смеяться, любить на сто минут меньше. Из-за меня.

— Спасибо тебе. — Я обнял Трису, и впервые в жизни она не стала кривить лицо и закатывать глаза.

— У тебя весь пиджак порван. — Она уткнулась мне в плечо, и голос прозвучал глухо.

— Ну и пусть. Зато меня не раздавило в лепешку.

Роджер поднял разбитого херувимчика и показал нам.

— Узнаёте?

Триста вынырнула из моих объятий и взяла статуэтку. Снизу был нарисован черный бриллиант. Внутри него изящные стрелки часов показывали на девять и двенадцать.

— Компания Дьюи. Это его логотип.

— Мы что, сегодня будем драться с обоими твоими братьями?

— Я видел тут Джорджа. — Я потер виски. — Не знаю, он это сделал или нет, но вид у него был весьма довольный.

— Знал, что мне придется путешествовать. Скотина он, этот Джордж. — Триста провела пальцем по гравированным часам. — Дьюи намного лучше. Он парень неплохой. Даже, наверное, единственный хороший человек в нашей семье.

Роджер окунул палец в темную лужу, образовавшуюся под разбитым ящиком.

— Должно быть, он наливал спиртное в эти статуэтки, чтобы провезти мимо береговых властей.

Триста взяла тросточку и обернулась. К нам уже направлялись полицейские.

— Пора сваливать.

Мы растворились в толпе. Я спросил Тристу:

— Когда ты уходишь в прошлое, что происходит с прежней версией тебя?

Она сдвинула брови:

— Никакой «прежней меня» не существует. Я все та же самая. Просто заменяю саму себя.

— А куда девается старая линия времени? — продолжал я расспрашивать. — Может быть, существует некая альтерна-